

УДК 9(470)(092)Новиков

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.28.78>

Жизнь, отданная науке. К 70-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Г. Н. Новикова

С. И. Кузнецов

Иркутский государственный университет, Россия

Аннотация. Освещается жизнь и творчество известного российского историка-франковеда, доктора исторических наук, профессора Г. Н. Новикова (1949–2008 гг.). Содержатся основные биографические сведения, прослежены этапы его творческого роста. Особо отмечена работа ученого во второй половине 80-х гг. в качестве преподавателя в Республике Мали, которой посвящены публикуемые два очерка воспоминаний историка.

Ключевые слова: доктор исторических наук, профессор Г. Н. Новиков, новейшая история Франции, кафедра мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, Республика Мали, Западная Африка.

Для цитирования: Кузнецов С. И. Жизнь, отданная науке. К 70-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Г. Н. Новикова // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 28. С. 78–89. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.28.78>

8 февраля 2019 г. исполнилось бы 70 лет со дня рождения известного российского франковеда, историка и международного, доктора исторических наук, профессора Геннадия Никифоровича Новикова. Более 10 лет прошло со дня его безвременной кончины 24 марта 2008 г. В 2009 г. коллеги и друзья к 60-летию со дня рождения профессора опубликовали небольшую книгу воспоминаний о нем [1], которая содержит довольно подробную биографию ученого, полную библиографию его научных трудов и публицистики. Его почти 40-летняя научная и преподавательская деятельность неразрывно связана с историческим факультетом ИГУ. Сюда в 1966 г. он пришел вчерашним школьником, поступив на 1-й курс истфака. Здесь он прошел все ступени карьерного и научного роста – от ассистента до профессора, заведующего кафедрой мировой истории и международных отношений, от студента до доктора исторических наук. Глубокий аналитик и талантливый исследователь, он погружался в недра отечественной и мировой истории, цитировал французских классиков, тонко чувствовал российскую ментальность. Он принадлежит России, которую изучал в контексте мировой истории. Кто-то считал его баловнем судьбы, родившимся под счастливой звездой, настолько успешным и, казалось, легким был его путь в науке. Разумеется, природа щедро одарила его физическим здоровьем, цепкой памятью, настоящим талантом исследователя-историка. Он приумножил эти достоинства упорным трудом, постоянными занятиями. Неординарность, глубина

таланта вывели его на высокую орбиту исторического небосклона. Его исследования по современной Франции вошли в мировую историографию и по достоинству были оценены не только научным сообществом, но и французским государством. Свидетельство этому – два французских ордена Академических пальм 2-й и 3-й степени.

Г. Н. Новиков родился 8 февраля 1949 г. в г. Ачинске Красноярского края, в рабочей семье. Вскоре его семья переехала в Казахстан, где в 1966 г. Геннадий окончил школу в г. Алма-Ате. В 1971 г. окончил с отличием исторический факультет ИГУ. Здесь он не только получил фундаментальные знания в области истории, но и сформировался как историк-исследователь. Его учителями были замечательные преподаватели С. В. Шостакович, Ф. А. Кудрявцев, В. В. Яровой, В. П. Олтаржевский. Именно они пробудили у молодого исследователя интерес к всеобщей истории. Дипломную работу на тему «Отношения между СССР и сражающейся Францией в годы Великой Отечественной войны» он выполнил под руководством доцента В. В. Ярового. В университете же Г. Н. Новиков получил и основательные знания французского языка. После окончания университета Г. Н. Новиков стал преподавателем кафедры всеобщей истории Иркутского университета, а в 1972 г. поступил в аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Ему посчастливилось работать под руководством крупнейшего в то время отечественного франковеда профессора В. П. Смирнова. 25 декабря 1975 г. в МГУ он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Программа “нового общества” и борьба партий во Франции (1969–1972 гг.)».

Вернувшись в Иркутск, Г. Н. Новиков становится старшим преподавателем кафедры всеобщей истории Иркутского университета, читает основные курсы новейшей истории Европы и Америки.

В 1978 г. в рамках советско-французского межгосударственного соглашения об обмене студентами, аспирантами и научными работниками он был направлен в Институт политических наук (Сорбонна) в Париже, где работал под руководством крупнейшего французского специалиста по голлизму профессора Жана Шарло. К этому времени окончательно определилась и тема исследования – идейная и социально-политическая эволюция голлизма после смерти Шарля де Голля. В Париже Г. Н. Новикову открылись широчайшие возможности для сбора материалов будущей докторской. Он получил доступ к части партийных архивов – Объединения в поддержку республики (ОПР) и сменившего его в декабре 1976 г. Союза демократов за республику (ЮДР), изучал и копировал материалы партийной прессы в секретариате ОПР, посещал партийные мероприятия (присутствовал, в частности, на первом национальном съезде ОПР, состоявшемся в Париже 31 марта 1979 г., на парламентских днях ОПР в сентябре 1979 г. в Савоие, на митингах и собраниях голлистов). Собранные им уникальные материалы вскоре были опубликованы в серии статей в самом авторитетном отечественном франковедческом издании – «Французском ежегоднике», французском жур-

нале Института Шарля де Голля *Esprit*. А в 1984 г. в московском издательстве «Наука» вышла монография «Голлизм после де Голля» [2], ставшая основой докторской диссертации. Глубокие исследования, проводившиеся Г. Н. Новиковым в 1980-е гг., сразу же поставили его в ряд ведущих отечественных франковедов, он был одним из немногих специалистов по истории голлизма не только в СССР, но и во Франции. А в апреле 1985 г. в Московском университете состоялась защита докторской диссертации.

С 1988 г. до последних дней своей жизни Геннадий Никифорович возглавлял кафедру мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ. Под его руководством кафедра стала одной из ведущих центров международных исследований в Сибири, значительно вырос ее кадровый и научный потенциал. Период 1990-х гг. был временем его творческого расцвета. Он участвует во многих международных конференциях и конгрессах, читает лекции в университетах Франции, Канады, США, Китая, Польши, руководит аспирантурой. Значительно расширяется диапазон его научных изысканий. В частности, он глубоко занимается теориями международных отношений, публикует фундаментальный труд по этому предмету.

В середине 90-х гг. в диссертационном совете по историческим наукам в ИГУ была открыта новая специальность – «всеобщая история». И закономерным стало то, что пост заместителя председателя совета был предложен профессору Новикову. В качестве заместителя председателя, а с 2005 г. – председателя диссертационного совета по историческим наукам в ИГУ он активно участвовал в подготовке научных и педагогических кадров высшей квалификации. Под его руководством было защищено две докторские и десять кандидатских диссертаций.

Геннадий Никифорович с удовольствием читал лекции на истфаке. Хотя, как в свое время вспоминал профессор Б. С. Шостакович, «он нередко *tête-à-tête* жаловался на удручавшие его излишества административного сов-вузовского формализма по дотошному контролю за исполнением всех преподавательских повинностей (в ту пору в их расклад непременно включались разные кураторские обязанности и прочее, им подобное) и строгим заполнением разнообразных формуляров с отчетностью о так называемой нагрузке. Легко было понять коллегу, который, как признавался сам, еще за день-два до того прогуливался по Елисейским полям, ксерокопировал необходимые материалы в парижской Национальной библиотеке (в ту пору в отечественной практике подобное выглядело абсолютной фантастикой!) или же любовался набережной Темзы и Трафальгарской площадью, а на родине был принужден тотчас же погружаться в неизменную, сковывавшую атмосферу преподавательской рутины» [1. с. 15]. Впрочем, нельзя не заметить, что в те далекие уже годы не было ни ОПОПов, ни ФОСов, ни прочих порождений воспаленного сознания чиновников от образования.

В жизни Г. Н. Новикова был очень интересный, сложный и, вероятно, достаточно драматичный период – годы работы в Африке. В 1984 г. по межгосударственному соглашению Г. Н. Новиков был направлен в г. Бамако (Республика Мали) для чтения лекций в Национальной административной

школе (ЕНА). В те времена достаточно широко практиковалось направление наших преподавателей для работы в вузах развивающихся стран Азии и Африки. Командировки такие были весьма престижными и, можно сказать, доходными, ведь в то время советские граждане, работавшие за рубежом, получали зарплату в так называемых чеках, или сертификатах, которые позволяли отовариваться дефицитными товарами в «Березке» – магазине закрытого типа, для обладателей «чеков». Заметим, что и предлагаемые для работы страны были разными. Кому-то повезло, и он оказался в Алжире. Геннадию Никифоровичу же была предложена Мали. С одной стороны, его очень привлекала возможность поработать во франкоязычной стране, хотелось посмотреть мир. Да и материальный стимул кое-что значил. С другой – эта командировка неизбежно затягивала завершение и защиту докторской диссертации, вызывали опасения возможные тропические болезни. Заметим, что с точки зрения нынешнего дня «палат каменных» он в этой поездке не заработал. Нельзя же таковыми считать простенькие советские «жигули» и так и не достроенную дачу.

Как бы то ни было, решение было принято. Четыре года Г. Н. Новиков читал лекции в ЕНА по истории политических учений и международным отношениям. Здесь под его руководством было защищено 6 дипломных работ малийских студентов по политологической тематике. За четыре года он достаточно хорошо узнал эту страну, изучая ее жизнь изнутри. Годы, проведенные в Африке, Г. Н. Новиков считал очень важным этапом своей биографии. Здесь он приобрел и опыт организатора, руководителя, возглавляя группу советских преподавателей. Работа была успешной, о чем свидетельствуют награды – настольная медаль Посольства СССР в Мали, занесение в Книгу почета посольства. По возвращении на родину появилось желание поделиться своими мыслями и об Африке, и о советской помощи освободившимся странам континента. Он неоднократно принимался за книгу, написал несколько очерков, что-то опубликовал в периодической печати. К сожалению, закончить ее он так и не сумел. Геннадий Никифорович не был востоковедом, но это несколько не помешало его наблюдениям и оценкам. С близкими коллегами он довольно откровенно высказывался о советской политике в Западной Африке. Помнится, он рассуждал о том, что западноафриканские страны стали первым объектом, своего рода опытным полем, практической политики СССР в Тропической Африке, в них проверялись советские представления об этой части континента и теоретические концепции относительно его будущего. В основе этих концепций лежала идея о том, что только советская модель общественного устройства является высшим достижением мировой цивилизации, а любое стремление приблизиться к ней в других странах – прогресс, который надо приветствовать. Существовал даже такой, ныне забытый, термин – «страны социалистической ориентации». Утопия вступила в противоречие с императивами, которые диктовали национальные интересы, реальная политика.

Предлагаемые читателю два очерка относятся к начальному периоду африканской командировки профессора. Время, в которое Г. Н. Новиков

работал в Мали, было периодом непродолжительной стабильности этого государства (в эти годы произошел лишь один пограничный конфликт – с Буркина-Фасо). После обретения независимости страну потрясли военные перевороты, стихийные бедствия. А в 1980 г. здесь произошли студенческие волнения, которые власти довольно жестоко подавили. Еще в 1960-е гг. официальной идеологией Мали был объявлен марксизм-ленинизм. Ему следовали и приглашенные советские преподаватели. Оба очерка, вероятно, были написаны в первые годы после возвращения из командировки. В них нет каких-либо резких, критических оценок. В основном это наблюдения, первые впечатления от знакомства с африканской экзотикой.

Г. Н. Новиков

Главы из ненаписанной книги об Африке

Первые встречи

Первое ощущение, охватившее после приземления самолета в международном аэропорту Бамако, – волна горячего воздуха, хлынувшая в салон Ту-154. С трапа открывался вид на полузасушенную солнцем растительность холмистой равнины, покрытой редкими деревьями и кустарниками. Так выглядела саванна в конце сентября, когда заканчивался сезон дождей. На взлетном поле царила тишина, неподалеку стоял самолет компании EgyptAir.

В холле аэровокзала нас встречали работник представительства ГКЭС¹ и заместитель руководителя группы преподавателей, доцент Московского авиационного института Алексей Лукич Марченко. Он энергично взял новичков в оборот. Не теряя ни минуты, организовывал рассадку в автобус, тут же вводил в курс дела, расписывая порядок обустройства, одновременно рассказывая о ценах на продукты и том, что в стране засуха. Втолковывал, где что находится, где кто будет жить, что делать и чего не делать. Из аэропорта поехали в представительство ГКЭС, располагавшееся рядом с обширной территорией Посольства в небольшом особняке с вывеской на входе «Аппарат экономического советника». Посольство и представительство ГКЭС ограждали высокие стены, утыканные осколками бутылок, зацементированными сверху по всему периметру. Во дворе резиденции на дорожке, ведущей от ворот к посту дежурного, в неподвижности застыла огромная черепаха. Не тратя много времени на формальности, мы сдали куратору свои аттестаты, получили подъемные в западноафриканских франках – купюрах с изображениями длиннорогих коров зебу и поехали на рынок покупать мустикер. Мустикер – это мелкая сетка, что-то вроде балдахина, натягиваемого над кроватью для защиты от малярийных комаров.

Рыночная площадь Бамако выглядела как человеческий улей, переполненный уличными торговцами, сидящими, лежащими, бегающими за покупателями. В машине не было кондиционера, мы подъехали с опущенными

¹ Государственный комитет экономического сотрудничества при Совете Министров СССР.

стеклами. Торговцы облепили автомобиль, навязывая очки, мази, пластиковые сандалии, сувениры. Увиденное выглядело фантазмагорически. Торговцы горланили, другие на жаре пребывали словно в спячке, возлежали, почесывая пятки, тут же умывались из чайников. Попрошайничали нищие, безмолвно проходили слепые. Они встречались часто, брели с посохами цепочкой. Мне они напомнили знаменитую картину фламандского мастера Питера Брейгеля Старшего (Мужицкого). У вонючих канав, заменявших канализацию, куда сливали помой и все, что течет, сидели прокаженные. Искореженными и полуотгнившими пальцами они ели рис из пластиковых чашек. Первое впечатление от посещения рынка сложилось малоприятное. Даже закралось опасение заразиться тропическими болезнями, лепрой, нечаянно прикоснувшись к прокаженным на улице. Но коллеги, пожившие и привыкшие к стране, успокаивали, что все совсем не так уж страшно, просто экзотично и производит гнетущее впечатление только на первый взгляд.

И действительно, рыночная торговля в Бамако удивляла и приятной стороной. Лотки и циновки, переполненные разнообразными фруктовыми плодами. По выбору рынка субтропического климата богаче. В тропиках почти нет своего винограда, яблок, и цены в магазинах на эти привозные фрукты слишком высокие. Зато все кругом было завалено бананами, манго, папайей. Апельсины выгружались из кузова самосвалами. Их продавали ведрами, и стоили они дешевле картошки. В ожидании покупателей продавцы, разморенные жарой, дремали на кучах апельсинов. Среди разнообразных бытовых товаров, одежды на рынке и в близлежащих торговых рядах можно было найти немало оригинальных сувениров, масок из черного и красного дерева, статуэток из бронзы и слоновой кости. Яркой достопримечательностью торгового Бамако запомнились лавки с серебряными и золотыми изделиями. Они представляли собой особенно экзотичное зрелище: золотые украшения продавались в застекленных ящичках прямо на пыльной улице, с лотков под соломенными тентами. Тут же местные ювелиры изготавливали браслеты, броши, цепочки.

Еще в далекие колониальные времена Мали, с 1884 г. ставшая частью французского Судана, слыла страной золота, и золотое ремесло являлось традиционной отраслью хозяйства.

Нескончаемо тянулись ряды торговых лавок с импортной, в основном японской, техникой, портативными магнитофонами, транзисторами, музыкальными центрами, электронными часами. Их привозили из Саудовской Аравии коммерсанты-мусульмане, в том числе во время паломничества, окупая расходы по поездке на хадж и одновременно зарабатывая.

Целые улочки занимали швейные мастерские, оптовые склады, продававшие продовольствие местного производства, рис, просо, маниок. Тут же коммерсанты торговали мешками и коробками с продовольствием, поступавшим по программам международной помощи странам, страдающим от засухи. На всех упаковках было написано по-английски: «Продаже не подлежит».

На первом году командировки нам с женой была определена для поселения вилла «Индонезия», от которой до центра можно было пройти минут за тридцать. Советские преподаватели так называли виллу, потому что раньше в ней располагалось индонезийское посольство, а теперь она сдавалась для семей советских специалистов. Жилище оказалось запущенным двухэтажным домом, расположенным в тихом переулке с обилием деревьев. То, что скрывалось внутри этой «виллы», в качестве благоустроенного жилья не привиделось бы в дурном сне. Три огромные пустые комнаты, скорее холлы с разбитыми столами и стульями, опутывала густо почерневшая паутина. Зловонный разрушенный туалет и вырванная из стен электрическая проводка с многочисленными розетками дополняли мрачный вид «посольского интерьера». Единственным приятным местом этого жилища был большой балкон с нависавшими на него кронами акаций, усеянный упавшими и уже засохшими листьями. «Ничего, обживетесь», – сказал сопровождающий. Года через два наш военный советник рассказал мне, что в первой африканской командировке ему с женой доводилось даже ночевать в машине, где был кондиционер: «Мы спасались там от ночной духоты и вони квартиры без канализации от заразы, тем более что в багажнике у меня всегда был запас виски». Но тогда, по приезду в Мали, «индонезийская» вилла, мягко говоря, привела в уныние. Однако надо было обустраиваться в тех условиях, что были предоставлены.

На соседнем перекрестке купили соломенный матрац, поставили его на глинобитные кирпичи, из которых строят дома, смешивая глину с известняком. Натянули над кроватью мускитер, вымели мусор, водой из шланга окатили стены и полы. В свисавших оголенных проводах держалось почти нормальное напряжение, нашлись в багаже и электрические лампочки. Холодильник завезти из гэкаэсэвского склада в первый день не удалось, но по русской традиции все приехавшие захватили с собой запас непортящихся продуктов. Тут же рядом с «виллой» на улице продавались фрукты и прохладительные напитки. За проезд в Африку выпили «Столичной» и закусили копченой колбасой с черным хлебом. Только тогда вдруг пришли в себя и осознали, что оказались в совсем ином мире и что будет не так просто привыкнуть к африканской реальности, климату.

Далеко за полночь где-то вблизи распевали «про рябину кудрявую». Через дорогу располагалась «корейская» вилла, там тоже поселились наши преподаватели и отмечали проезд.

Назавтра мы в основном уже обустроились, в организованном порядке прошли вакцинацию против холеры, которую сделали малийские врачи. В этот день я впервые задумался, как тяжело будет долго жить в такой жаре, и не просто жить, а работать, не сидя в кондиционированном кабинете или джипе, не путешествовать по саванне, а читать лекции в душных и пыльных аудиториях.

Студенты

По контракту я приехал в Мали преподавать в Национальной административной школе (ЕНА) Бамако курс истории политических идей. Вопреки ожиданиям мне досталась первая часть курса – от античности до эпохи Про-

свещения. Подготовленных лекций не было, но впоследствии их отсутствие обернулось положительной стороной: удалось глубже вникнуть в то, что когда-то изучалось мимоходом, забылось.

Представилась возможность, разрабатывая лекции, окунуться в историю возникновения и многовекового развития классических понятий политологии и права. Поскольку в университете в аспирантуре, во время стажировки во Франции и работы над докторской диссертацией я занимался Новейшей историей, обращение к истокам политических учений позволяло как нельзя лучше обогатить преподавательский опыт.

В основном же советские коллеги традиционно преподавали в школе политэкономии, экономику предприятия, планирование, т. е. дисциплины из учебных программ наших вузов, которые читались и в Национальной административной школе. Разумеется, с марксистско-ленинских позиций. Хотя справедливости ради стоит сказать, что степень свободы в выборе тем для изложения и авторский подход зависели от конкретных руководителей маленького коллектива. У нас, например, в отличие от того, о чем рассказывали некоторые коллеги-гуманитарии, работавшие в других странах, никто не контролировал лекции. Исключение составлял контроль над совершенствованием владения языком. Воспользовавшись практически полной свободой, я составил собственную программу курса, уделив большое внимание истории христианства в контексте эволюции его идеологии.

Французы читали преимущественно юридические и конкретные экономические дисциплины (конституционное, международное публичное и частное право, коммерческое право, бухгалтерский учет, статистику, страхование). Они задавали тон, уверенно чувствуя себя в своей бывшей колонии, где государственным языком был французский, все делопроизводство, заседания правительства всех властных органов велись на французском и элита говорила по-французски. Уйдя из Африки, метрополия оставила там своего главного миссионера – язык. Как сказал выдающийся сенегальский поэт и бывший французский министр Леопольд Сенгор, «я не знаю, где во мне заканчивается африканец и начинается француз».

Для советских преподавателей, за немногими исключениями, в основном осваивавших язык в зрелом возрасте на десятимесячных курсах минвуза при Московском институте иностранных языков им. М. Горького, преподавание в Африке, особенно в первый год, прежде всего было связано с языковой проблемой. В этом смысле мне было легче, поскольку я занимался историей голлизма и после защиты кандидатской диссертации о французской политике после де Голля стажировался в парижском Институте политических наук. Руководитель (декан) департамента госадминистрации, куда меня приписали, малиец, учившийся и защитивший диссертацию во Франции, высказал свое удовлетворение. Представляя меня генеральному директору школы Амаду Н'Дияю, он не преминул подчеркнуть, что Mr. Novikov a passe par la Sorbonne («Мсье Новиков прошел через Сорбонну»). Декан преувеличил, но тем самым ясно дал понять, как он на самом деле относится к фран-

цузскому и советскому преподаванию. Правда, другие малийские коллеги, прежде всего экономисты, высоко ценили марксистский подход.

Малийцы вели разные дисциплины. Большинство же из них получили высшее образование и даже защитили диссертации во Франции, и этот багаж составлял методологическую основу их лекций. Немногие преподаватели, что учились в Союзе, очень неплохо владели марксистско-ленинской идеологией. Те и другие в частных разговорах высказывали критические мысли о положении дел в стране, переживали за нищету. На работе малийцы редко говорили на эту тему, вели себя с достоинством и очень дружелюбно. Хотя поведение их было достаточно раскрепощенным и внешне мало чем отличалось от либеральных университетских порядков в Европе. Разумеется, все так выглядело внешне. Военный режим отслеживал «излишне болтающих» преподавателей и наказывал за крамолу. Как-то из школы исчез преподаватель, добродушный весельчак. Через какое-то время он объявился, мы встретились в преподавательской, и вместо ответа на вопрос, был ли он в отъезде, малийский коллега молча задрал бубу² и показал спину в рубцах. Потом он продолжал преподавать как ни в чем не бывало.

Школа была создана по примеру Парижской ЕНА. Африканские национальные административные школы копировали французскую систему подготовки управленческих кадров для госаппарата (чиновники категорий А, В, С), для таможни, министерств.

Для наименее развитых стран «третьего мира», к которым принадлежит Мали, подготовка таких кадров с финансовой стороны сопряжена с неэффективной тратой денег, и к тому же после получения диплома сотни студентов были обречены на положение безработных. Но они расширяли просвещенные слои малийского народа, укрепляли его национальную элиту. Студенты поступали без экзамена, представляя необходимые документы о среднем образовании и т. д.

Все получали стипендию независимо от оценок, если общий результат был положительным. Главное, чтобы не отчислили. Стипендия составляла 15 тыс. афр. франков (300 французских франков), что было сопоставимо с зарплатой рабочего. Часть денег студенты посылали родным в деревню, другие помогали родственникам, перебравшимся в столицу из деревень, где засуха обрекала крестьян на полуголодное существование. Большинство студентов ходили в сандалиях на босу ногу, в рубашках навыпуск. Дети из богатых семей коммерсантов одевались в дорогую национальную или европейскую одежду.

Обучение и контроль знаний были организованы по французским стандартам: лекции, практические занятия, защита диплома в конце четвертого года обучения. Экзамены проводились устно и письменно. Кроме того, в обязательном порядке проводился промежуточный контроль знаний, так называемый постоянный контроль (*control continu*). Письменные экзамены

² Бубу – африканская традиционная мужская одежда.

отнимали много времени и нервов. Учитывая большое число студентов на первом-втором курсах, на которых в основном вели занятия советские преподаватели, проверка работ выматывала нервы. Приходилось перелопачивать сотни рукописных страниц, разбираясь в иногда не поддающемся «дешифровке» почерке. Поскольку нужно было «отсеивать» на первом курсе до 40–50 % неудовлетворительных ответов, приходилось все внимательно читать и мотивированно ставить неудовлетворительную оценку. Высший балл – 20 практически никто не получал, как и во французских университетах, проходным баллом, по-нашему – тройка, считалось 10 баллов. В отличие от советской и нынешней российской системы все полученные оценки суммировались, причем по некоторым, важным или профилирующим дисциплинам применялся коэффициент три и два. Сложенная сумма делилась на число дисциплин, и таким образом высчитывался средний балл успеваемости. То есть, даже если студент «заваливал» какой-то предмет, но набирал в среднем 10, он переводился на следующий курс.

Для советских преподавателей такая система была нелегкой, их оценки часто были завышенными. В этом сказывалось два фактора. Во-первых, поначалу непривычным было «заваливать» такой большой процент сдающих, за высокую неуспеваемость у нас наказывали. Во-вторых, негативную роль играло недостаточно свободное владение французским языком. Трудно строго спрашивать и аргументированно ставить неуд, когда сам неуверенно себя чувствуешь в диалоге со студентом, слабо подготовленным, но бойким. Прежде всего это касалось гуманитариев. Когда через два года работы я был назначен руководителем группы преподавателей минвуза, пришлось давать объяснения по этому поводу министру образования, которому докладывали руководители учебных заведений, где мы работали. Чаще всего такие вопросы решались в рабочем порядке, поскольку зарплату нам выплачивало наше министерство, а малийское правительство частично компенсировало ее так называемой ставкой возмещения (в то время вначале это было что-то около 15 %, а затем 30 % зарплаты, не считая расходов на аренду жилья и оплату жилищно-коммунальных услуг). Редко, но случались вопиющие исключения.

Один политэконом приехал, практически не владея языком. Ему, как мог, стал помогать наш преподаватель французского. Вроде бы человеку самому должно было тяжело, его «лекции» стали предметом шуток и веселья среди студентов. Но он вел себя уверенно, как все, стал проводить изрядное время на рынке. Ведь решение о командировании принималось в Союзе на высоком уровне. Дело зашло далеко, по школе поползли слухи, что разъяренный взаимонепониманием советский преподаватель стал срываться и крыть студентов чисто по-русски. Пришлось проводить заседание кафедры, заслушивать командированного на французском языке и вести протокол. На следующий год этот преподаватель уже не приехал. Это был действительно редкий случай, и справедливости ради надо сказать, что минвуз отладил очень эффективную систему подготовки кадров, направляемых для работы за рубежом. После обучения на десятимесячных курсах при

Московском институте иностранных языков им. М. Тореза не знающие язык специалисты осваивали его до уровня рабочего. Те, кто был не в первой командировке, практически не имели языковых проблем в общении со студентами, хотя, разумеется, испытывали некоторые трудности.

На первом году очень важно было понять особенности психологии студентов, восприятия ими материала. Как это ни покажется странным, для многих людей, не имеющих опыта работы с африканцами, в отличие от действительно удивительных открытий по части способов восприятия мира, черт поведения, я не столкнулся с неожиданностями в самом процессе обучения. Не секрет, что некоторые наши, скажем прямо, расистски настроенные люди рассуждают о том, что-де африканцы вряд ли способны освоить науку. Очень скоро я заметил, что есть как бы две категории студентов: те, что приехали из «бруса», т. е. «глубинки», деревень, и бог знает, как и где они там учились, получили среднее образование, и те студенты, кто закончил лицей в столице или в каком-то из немногочисленных малийских городов. В Бамако, например, были и французские частные лицеи. Их выпускников отличал высокий общий культурный уровень, классические знания по истории, философии. Тогда как их сокурсники из бедных семей просто не владели французским языком. Вспоминаю одного парня, написавшего в качестве ответа на вопрос о политической философии Макиавелли талантливое эссе. Один студент поставил меня в тупик вопросом: «В чем состояла суть дискуссии между Бухариным и Преображенским?» Спросите нашего историка, не специализирующегося по советскому марксизму, я уж не говорю про студентов, что вам ответят? Такой вопрос студента-малийца шокировал. С другой стороны, многие вопросы, на первый взгляд, могли свидетельствовать об отсутствии элементарных познаний, в особенности когда речь шла о СССР. К примеру, студенты спрашивали, есть ли ислам в Советском Союзе, живут ли в Сибири эскимосы и на каком языке говорят у нас нерусские. Но, вообще говоря, подобные вопросы до того, как началась перестройка, да и сейчас, нередко задавали и на Западе. И свидетельствовали они о том, что СССР, Россия все же представлялись чем-то отдаленным от западной цивилизации, ее истории, культуры, которые доминировали в сознании интеллектуальной элиты бывших африканских колоний. Наиболее отличительная черта мировоззрения малийских студентов проявлялась в его религиозном характере. Причем мусульманская и христианская вера причудливо сочетались с традиционными анимистскими воззрениями. Как мне показалось, влияние традиционно африканских культов укоренилось гораздо сильнее в сознании малийцев, чем это можно представить, знакомясь с официальной статистикой религиозных верований. В любом случае атеизм воспринимался подавляющим большинством студентов каким-то аномальным явлением, чем-то вроде болезни, заблуждением, за которое должна последовать кара. Один студент убеждал меня в том, что морская трагедия, когда у Новороссийска столкнулись два судна и утонули пассажиры, – это наказание за безбожие в СССР, другой то же самое говорил о чернобыльской катастрофе.

Список литературы

1. Памяти Геннадия Никифоровича Новикова. Воспоминания, очерки, библиография. К 60-летию со дня рождения / сост. С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 111 с.
2. Новиков Г. Н. Голлизм после де Голля: идейная и социально-политическая эволюция, 1969–1981 гг. М. : Наука, 1984. 302 с.

The Life for Science

S. I. Kuznetsov

Irkutsk State University, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the life and work of the famous Russian historian of modern history of France, doctor of historical sciences, professor Gennady N. Novikov (1949–2008). Contains basic biographical information, traced the stages of his creative growth. His work was particularly noted in the second half of the 80s as a teacher in the Republic of Mali, to which two essays of the scientist are published.

Keywords: doctor of historical sciences, professor Gennady N. Novikov, modern history of France, department of world history and international relations, Irkutsk state university, Republic of Mali, West Africa.

For citation: Kuznetsov S.I. The Life for Science. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 28, pp. 78-89. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.28.78> (in Russian)

References

1. Kuznetsov S.I., Petrushin Yu.A. *Pamyati Gennadiya Nikiforovicha Novikova. Vospomnaniya, ocherki, bibliografiya. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya* [In memory of Gennady Nikiforovich Novikov. Memories, essays, bibliography. To the 60th anniversary of the birth]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2009, 111 p. (in Russian)
2. Novikov G.N. *Gollizm posle de Gollya: idejnaya i social'no-politicheskaya ehvolyuciya, 1969–1981gg.* [Gollism after de Gaulle: ideological and socio-political evolution, 1969–1981]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 302 p. (in Russian)

Кузнецов Сергей Ильич

*доктор исторических наук, профессор
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952) 200-775
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru*

Kuznetsov Sergey Ilyich

*Doctor of Sciences (History), Professor
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
tel.: 8(3952) 200-775
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru*